

Информация для цитирования:

Сидоренко Л. В. Георг III против Американской революции : лидер контрреволюции или защитник британской конституции? / Л. В. Сидоренко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 500—519. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-500-519.

Sidorenko, L. V. (2024). George III and American Revolution: Counter-Revolutionary Leader or Defender of British Constitution? *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 500-519. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-500-519. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Георг III против Американской революции: лидер контрреволюции или защитник британской конституции?

Сидоренко Леонид Владимирович
orcid.org/0000-0001-8199-4219
кандидат исторических наук,
кафедра истории Нового
и новейшего времени
slv83@yandex.ru l.sidorenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

George III and American Revolution: Counter-Revolutionary Leader or Defender of British Constitution?

Leonid V. Sidorenko
orcid.org/0000-0001-8199-4219
PhD of History,
Department of History of Modern
and Contemporary Times
slv83@yandex.ru l.sidorenko@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью статьи является всесторонний анализ роли британского монарха Георга III в событиях Американской революции. Новизна исследования заключается в том, что действия английского короля еще не получили обстоятельного освещения с позиций оценки контрреволюционного ответа метрополии на вызов колонистов и объективных факторов, влиявших на принятие им важнейших решений в ходе войны за независимость США. Автор рассматривает особенности политического взросления короля, концепцию виконта Болингброка о короле-патриоте, эволюцию восприятия института монархии и образа Георга III в колониальном обществе. Проанализированы мотивы выбора сувереном конкретных шагов в ходе американского кризиса исходя из логики внутренней политики и особенностей системы имперского управления. Статья отходит от традиционного образа британского монарха как тирана, закрепленного Декларацией независимости, которая анализируется с точки зрения наличия в ней обвинений короля в тирании. В статье сделан вывод, что в вопросах имперских взаимоотношений Георг III ориентировался на интересы парламента и лишь после начала войны в силу своего характера и чувства долга стал одним из самых убежденных и упрямых сторонников подавления колониального мятежа силой.

Ключевые слова:

Американская революция; Георг III; контрреволюция; Декларация независимости; имперская политика; образ монарха.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to provide a comprehensive analysis of the role of British monarch George III in the events surrounding the American Revolution. The novelty of this research lies in its exploration of the English king's actions, which have yet to be thoroughly examined in terms of assessing the counter-revolutionary response of the metropolis to the challenges posed by the colonists, as well as the objective factors influencing his critical decisions during the American War of Independence. The author investigates the nuances of the king's political maturation, the concept of the patriot king as articulated by Viscount Bolingbroke, and the evolution of perceptions regarding the monarchy and George III within colonial society. The motivations behind the sovereign's specific choices during the American crisis are analyzed through the lens of domestic politics and the characteristics of imperial governance. This article departs from the traditional portrayal of the British monarch as a tyrant, as established by the Declaration of Independence, which is examined in light of its allegations against the king's tyranny. The conclusion drawn is that, in matters of imperial relations, George III was primarily guided by parliamentary interests and only after the outbreak of war, due to his character and sense of duty, did he become one of the most steadfast and obstinate proponents of suppressing the colonial rebellion through force.

Key words:

American Revolution; George III; counter-revolution; Declaration of Independence; imperial policy; image of the monarch.

Георг III против Американской революции: лидер контрреволюции или защитник британской конституции?

© Сидоренко Л. В., 2024

1. Введение = Introduction

После обретения независимости североамериканскими колониями Англии их бывший суверен Георг III традиционно изображался в Соединенных Штатах как правитель, намеревавшийся сокрушить политические устремления своих заокеанских подданных, причем главным обоснованием этого тезиса выступала Декларация Независимости [Thomas, 1985, р. 16]. Если ее первая часть с большим красноречием излагала право народа на революцию, доктрину политического равенства и прав человека, что стало основополагающими принципами в США, то ее вторая и более длинная часть состояла из двадцати восьми обвинений против британского монарха [Fisher, 1907, р. 257]. Они оказались основой Декларации, в которой колонисты резко осудили своего короля, виновного, по их мнению, в плачевном положении дел в колониях, лишении их традиционных британских свобод. Георг III был заклеен как монарх-злодей: американцы огласили преступления, в которых он был виновен, посвятив им почти две трети Декларации [Duff, 1949, р. 383], ставшей на многие десятилетия главным обвинительным мифом в американской истории.

Георгу III также не повезло и в контексте оценки состояния его здоровья, в результате чего в народном сознании он запомнился как безумный монарх. Некоторые современники и историки предполагали наличие очевидной связи между сумасшествием Георга III и американской независимостью, утверждая, что безумие короля привело его к плохому руководству британской политикой во время колониального кризиса, способствовав потере имперских владений в Америке. Для исследователей Георг III представлялся невротиком, всю жизнь боровшимся за то, чтобы избежать полного сумасшествия [Detweiler, 1972, р. 37]. Поэтому обвинения в Декларации независимости выглядели уместными.

Но годы спустя после событий Американской революции один из отцов-основателей США Джон Адамс, комментируя направленность Декларации

независимости против Георга III, отмечал, что в этом документе содержались «выражения, которые я бы не вставил, если бы составлял его, особенно те, которые называли короля тираном». Адамс также признался, что лично он «никогда не считал Георга тираном» или виновным в «жестоких» деяниях, совершенных от имени короля [O'Shaughnessy, 2004, p. 1]. Так кем же на самом деле был британский монарх, оставивший в эпоху Американской революции столь противоречивые мнения по ту сторону Атлантики? Какую роль он сыграл в событиях колониального кризиса и почему они были интерпретированы в столь негативном для его восприятия стиле?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цели статьи достигаются привлечением традиционных методов исторических исследований, важнейшим из которых является принцип историзма, применимый ко всей работе, а также необходимый для понимания действий Георга III историко-биографический метод. Также использовались историко-типологический (для понимания моделей политической мотивации действий колонистов и властей в метрополии) и сравнительно-исторический (для анализа различного восприятия действий Георга III в американском обществе и среди британских политиков и обывателей) методы. Помимо этого, в статье применялись нарративный подход для создания логичной структуры повествования и ряд методик для работы с текстовыми источниками, нужными для объективного понимания описываемых в них явлений и событий. Методологической особенностью данного исследования также можно считать критический подход к вигской историографии и Декларации независимости, рассматриваемых автором как основа исторической и политической мифологии.

Для решения задач статьи особое внимание было уделено исследованию ряда зарубежных историков Американской революции (Ф. Байер, Дж. Гаттридж, Й. Грубер, Ч. Карлтон, С. Лукас) и личности Георга III (Д. Армитейдж, Дж. Баллион, Р. Детвейлер, Н. Йорк, В. Кревистон, Дж. Кросби, У. Лиддл, Э. Маркс, Л. Мелвилл, Э. О'Шэгнесси, П. Томас, С. Фишер). Ценность упомянутых выше изданий неравнозначна: в то время как часть из них представляли интерес в концептуальном плане (здесь особо следует отметить книгу и статью Э. О'Шэгнесси о логике действий монархической власти в период войны за независимость, статьи Дж. Баллиона о роли Георга III в системе имперского управления, статьи Д. Армитейджа, У. Лиддла о концепции короля-патриота и политике суверена, статью Байера о конституционных дискуссиях по найму монархом немецких наемников и статью Ч. Карлтона о значении британской монархии в разных революциях), остальные имели ценность благодаря значимому

фактологическому наполнению по важным аспектам Американской революции (статья И. Грубер о британских ястребах в войне с колониями, статья Дж. Гаттриджа о вигской оппозиции войне и статья С. Лукаса об истоках Декларации независимости) и по Георгу III (статья Р. Детвейлера о психотипе короля, статья В. Кревистона об опасности Квебекского акта для монарха, статья Н. Йорка о критиках суверена в метрополии, статья П. Томаса об основных вехах участия Георга III в американском кризисе и статья С. Фишера об обвинениях в Декларации независимости). Также автором была использована литература по проблемам истории Великобритании в период Войны за независимость (статья Дж. Ганна о партийном развитии Великобритании по итогам войны с колониями, классическая монография Й. Кристи об эпохе Георга III, книга Л. Кроненбергера о власти и обществе в XVIII веке и устаревшая, но для своего времени знаковая монография Дж. Уинстенли о проблемах взаимоотношений министров и оппозиции при Георге III), и привлечен ряд источников (переписка самого Георга III с его первым министром лордом Нортон, автобиография одного из его министров — наблюдательного и информированного герцога Графтона, дебаты парламента).

Отечественная историография была проработана, но широко в статье не учитывалась. Это связано с тем, что, хотя историей отделения колоний Англии в Северной Америке занимались многие видные американисты, подавляющая часть исследований данной темы пришлась на советский период, когда в исторической науке доминировал марксистский подход, в рамках которого анализировались прежде всего социально-экономические условия образования США, а также значение просвещенческих идеалов в идейно-политическом измерении Американской революции. Личностный аспект во многом игнорировался либо определялся американоцентричной парадигмой, из-за чего появилось несколько биографий Дж. Вашингтона (например, книги И. С. Юзефовича [Юзефович, 1941] и Н. Н. Яковлева [Яковлев, 1973]), но при этом даже в самых фундаментальных работах по войне за независимость США (монографиях А. А. Фурсенко [Фурсенко, 1960; Фурсенко, 1978] и коллективной «Истории США» [История США, 1983]) король Англии Георг III почти не упоминается или скрывается за понятием обезличенной метрополии. Пожалуй, наибольшее внимание к британскому суверену заметно в монографии В. Н. Плешкова [Плешков, 1984] о внешней политике молодой американской республики, но здесь он был показан сквозь призму борьбы британских элит во время заключения мира, после завершения войны. И даже в наше время в книгах патриарха отечественной американистики В. В. Согрина (например [Согрин, 2001]) Георг III остается в тени американских интересов и цивилиза-

ционного анализа истории США. По этой причине отечественная историография послужила хорошим основанием для понимания последовательности событий и логики Американской революции, но слабо пригодна для реализации целей данной статьи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Политическое взросление Георга III

Хотя Георг III в ходе Американского кризиса принимал решения в рамках обстоятельств, сложившихся к середине 1760-х годов, его воспитание оказало серьезное воздействие на специфику его действий в течение всего правления. Георг Уильям Фредерик родился 24 мая 1738 года ст. ст. (4 июня н. ст.) в семье принца Уэльского Фредерика и его супруги Августы, бывших в оппозиции правившему Георгу II. Эта традиционная для Ганноверской династии борьба поколений оказала ощутимое влияние на политические взгляды юного Георга, ставшего критически воспринимать британские реалии. А смерть отца, когда Георгу не исполнилось и 13 лет, вместе с его от природы меланхоличной натурой сделали мальчика зависимым от матери и воспитателей.

Среди последних ключевой фигурой стал шотландец по происхождению лорд Бьют, который при всех своих положительных личных качествах был неспособен к пониманию текущей ситуации в королевстве, что вело к передаче им наследнику поверхностных знаний об актуальной политике. Даже отец мальчика критически оценивал способности Бьюта [Kronenberger, 1961, p. 191]. Поэтому, занимаясь образованием Георга, сам Бьют, не имея опыта политика, смог передать принцу лишь общие теории управления и даже предрассудки, которые трансформировались у того в убеждение о том, что правление добродетели должно заменить правление порока и коррупции [Christie, 1982, p. 58]. В дальнейшем это способствовало привычному для будущего монарха черно-белому видению окружающего мира, в котором ему требовалось занять одну, обязательно правильную сторону. В течение всего своего правления Георг III считал любые уступки слабостью, достойной презрения. Чем больше была опасность, тем более решительным он становился для ее преодоления, но эта решимость мало отличалась от банального упрямства [Winstanley, 1912, p. 320]. В будущем именно упрямство часто мотивировало Георга III поступать так, как он делал, не считаясь с политическими и иными обстоятельствами.

При этом Бьют не был оригинален в своих взглядах на идеал управления государством: огромную роль в формировании переданных им наследнику установок сыграло творчество Генри Сент-Джона, виконта Болингброка, а именно — концепция короля-патриота. В ней виконт предложил продуман-

ную альтернативу алгоритмам правления победившего вигизма, описав политику, при реализации которой фракции и конфликты должны исчезнуть перед величием короля-патриота [Gunn, 1974, p. 301—302]. Изначально труд виконта предназначался принцу Уэльскому Фредерику, который и должен был превратиться в неподкупного патриота, который вернет конституцию к ее оригинальной чистоте [Armitage, 1997, p. 401—402]. Лишь потом, после смерти отца, Георг воспринял эти идеи как свои собственные.

Важно отметить, что за предлагаемой виконтом идеей короля-отца стояла патриархальная теория управления, в рамках которой проводится аналогия между государством и семьей, а король выступает отцом. Эта теория имела прямые отсылки к знаменитой «Патриархии» Филмера XVII века [Carver, 1977, p. 334], что отсылало идеи Болингброка к старым патерналистским взглядам на то, что лучше подданным с точки зрения монарха. Впрочем, согласно взглядам виконта, подлинным королем-патриотом мог считаться лишь наследственный конституционный монарх, ограниченный в своей прерогативе для защиты свобод подданных. Король-патриот был нужен стране для их благополучия, что и определяло его патриотизм [Болингброк, 1978, с. 200—216]. Интересно, что книги Болингброка были достаточно популярны у колонистов, чье общество в целом знало о его идеях. Но следует помнить, что для американцев королем-патриотом выступал прежде всего Георг II [Liddle, 1979, p. 956—957].

3.2. Георг III и американские колонисты в начале конфликта

Несмотря на благоприятные обстоятельства начала правления Георга III, уже в 1760-х годах он столкнулся с рядом вызовов своей политике. Если внутри страны основная угроза исходила от вигской оппозиции, то извне вызов был брошен американским вопросом. Но во взаимоотношениях между колониями и метрополией позиция Георга III как раз и основывалась на идеях Болингброка о зависимости колониальных подданных от метрополии как детей от родителей, что подразумевало подчинение американцев центру. В свою очередь колонисты еще с Георга II в массе своей видели монархию естественным институтом в обществе, относясь к ней с уважением и приверженностью. Для них монарх являлся главным символом власти как таковой, ключевым лицом в империи и фокусом патриотизма [Liddle, 1970, p. 2, 15]. Поэтому колонисты приветствовали и Георга III, имея все основания полагать, что он будет хорошим королем.

По этой причине принятие Акта о гербовом сборе в 1765 году (вызвавшего первый серьезный кризис во взаимоотношениях колоний и метрополии) в целом не подорвало доверия американцев к своему суверену, что объяснялось доминировавшей идеей антиконституционного заговора, в котором король сам стал его жертвой. В американской прессе 1767—1773 го-

дов стало типичным изображать хорошего суверена в окружении плохих министров, неправильно информировавших своего монарха [Liddle, 1979, p. 958—960]. Однако принятие британским парламентом в 1766 году Декларативного акта, который провозглашал право метрополии облагать колонии налогами, введение в 1767 году косвенного налогообложения по Актам Тауншенда, а также пренебрежение американскими петициями, роспуск их собраний, квартирование британских войск все более и более противоречили представлениям колонистов о роли короля, которая виделась в защите сувереном конституционных прав подданных от узурпации парламентом в соответствии с доктриной о сбалансированном правлении. В Америке ожидали, что Георг III не допустит произвола парламента, но после принятия Актов Тауншенда там пришли к выводу, что монарх лишь нарушает равновесие, поддерживая деспотизм министров [Duff, 1949, p. 383, 385].

Однако Георг III оказался во многом непричастным к спровоцировавшей Американскую революцию политике. Когда он взошел на престол, в 1760-х годах он был в первую очередь занят решением проблемы формирования стабильного кабинета, выбор министров которого ограничивался теми, кто мог получить поддержку в парламенте. В силу этого король руководствовался внутренними, а не имперскими соображениями в политике, за колониальную часть которой отвечали министры. Георг III даже сдерживал предложенные ими некоторые меры. Так, одно из его первых заявлений по Америке содержало рекомендацию о необходимости получения колониями компенсации за их расходы в войнах с французами и индейцами [O'Shaughnessy, 2013, p. 21]. А в конце 1760-х годов Георг III отказался реализовывать предложенную одним из его министров идею об ограничении самоуправления в Массачусетсе с одновременным усилением роли метрополии в деятельности местного избирательного органа — той меры, которая потом была реализована в 1774 году [Thomas, 1985, p. 26].

Поэтому на раннем этапе кризиса колонисты в целом не отказывались от демонстрации лояльности Георгу III. Неудивительно, что в апреле 1770 года в Нью-Йорке была торжественно открыта изваянная скульптором Джозефом Уилтоном статуя короля. Решение о ее установке было принято Генеральной ассамблеей колонии еще в 1766 году при праздновании отмены гербового сбора. Сперва планировалось увековечить Уильяма Пিতта-старшего, но в итоге сочли, что устанавливать статую лишь министру без почтения к его монарху неверно, что привело в скором времени к установке двух памятников [Marks, 1981, p. 61].

Однако переход событий в Америке в фазу силового противостояния стал решительным вызовом традиционному видению колонистами образа монарха. Триггером финального обострения американского кризиса, пере-

росшего в войну колоний с метрополией, стало «Бостонское чаепитие» в декабре 1773 года. Реакция Георга III на него диктовалась скорее не яростью, а сожалением, что видно в его письме к лорду Дартмуту, государственному секретарю по делам Америки: «Мне очень обидно, что подстрекательство плохих людей снова побудило жителей Бостона пойти на такие неоправданные шаги». Монарх явно не понял важности случившегося и широты движения сопротивления, надеясь на быстрое восстановление доверия к метрополии [Thomas, 1985, p. 28].

Но уничтожение чая Ост-Индской компании являлось угрозой принципу колониального подчинения Америки британскому парламенту. А налог на чай виделся единственным реальным подтверждением этой связи: отвергнув его, колонисты бросили конституционный вызов. Для короля стало очевидным, что кризис был вызван чрезмерной снисходительностью к колониям, например, он оценивал отмену гербового сбора как потакание им. Полагая, что уступки могут быть истолкованы как слабость и только подтолкнут американцев к новым требованиям, монарх выступил за более жесткие меры в соответствии с понравившейся ему мыслью генерала Гейджа: «...они являются львами, пока мы остаемся ягнятами, но, если мы предпримем решительные шаги, они, несомненно, подчинятся» [Correspondence with Lord North, 1867a, p. 164].

В борьбе с колонистами Георг III усмотрел защиту порядка и конституции. Он поверил, что противостояние в Америке шло за власть парламента, которую должны были признать колонии для сохранения порядка. А по мере того, как революционное движение становилось все более республиканским, король все активнее стремился подавить восстание и защитить достоинство монархии, которая для Георга III выступала как неотъемлемая часть системы баланса управления [O'Shaughnessy, 2013, p. 22]. Поэтому Георг III решительно поддержал принятые парламентом «нестерпимые акты» 1774 года, направленные на наказание Массачусетса за «Бостонское чаепитие».

Отныне монарх стал активно проводить политику принуждения. Этому также способствовало решение им в начале 1770-х годов проблемы формирования стабильного правительства, состоявшего теперь из министров, которые прочно стояли у власти и поддерживали взгляды монарха, что только укрепило Георга III в его убеждении, что имперский кризис был вызван слишком большим снисхождением к колониям [O'Shaughnessy, 2004, p. 9]. Для короля стало делом принципа вернуть контроль над американцами: «...колонии должны прийти либо к подчинению, либо к триумфу. Я не желаю применять жестокие меры, но мы не должны уступать; благодаря хладнокровию и беспрестанному выполнению мер, которые были приняты, я верю, что они покорятся...» [Correspondence with Lord North,

1867а, р. 202]. Поэтому Георг III рассматривал чайный сбор как важнейший символ суверенитета парламента.

«Нестерпимые акты» были очень болезненно восприняты в американском обществе, но особую неприязнь заслужил Квебекский акт, в принятии которого роль монарха была более очевидной, из-за чего впервые всеобщая критика обрушилась непосредственно на короля. Для американских патриотов этот закон стал доказательством стремления Георга III расширить личную власть за счет подданных. Еще в ходе обсуждения законопроекта его противники видели в нем стремление к тирании из-за передачи королю обширных законодательных полномочий [Creviston, 2011, р. 464, 467]. Будущее же Квебека виделось как будущее всей Америки, поэтому подписанные монархом «нестерпимые акты» привели к кризису лояльности колонистов к своему суверену.

Со своей стороны Георг III был приятно удивлен отсутствием в палатах парламента оппозиции «нестерпимым актам», что лишь убеждало его в правоте проводимой политики. Он также оказался доволен результатами всеобщих выборов 1774 года, которые увеличили правительственное большинство в палате общин, укрепив проводимую кабинетом линию по отношению к американцам. Уже в сентябре 1774 года король пришел к выводу, что жребий брошен, а колонии должны либо подчиниться, либо одержать победу. [O'Shaughnessy, 2013, р. 23]. Поэтому когда Георг III получил известие о первом сражении 19 апреля 1775 года, он воспринял его почти с чувством облегчения, полагая, что время споров и колебаний прошло. Король, как и большинство людей в метрополии, полагал, что в этом конфликте победа неизбежна. Огромную роль сыграл и характер суверена: его решимость не сдаваться и неспособность видеть точку зрения оппонентов [Thomas, 1985, р. 30]. Георг III твердо решил идти жестким курсом, приняв участие в составлении прокламации, объявлявшей американцев мятежниками. Он писал лорду Норту: «С момента, когда она впервые была предложена, я отнесся к ней как самой необходимой, во-первых, потому что она приведет людей к бдительности, а также потому, что покажет решение энергично проводить каждую меру, которая заставит этих заблуждающихся людей подчиниться» [Correspondence with Lord North, 1867а, р. 263—264].

3.3. Георг III: от начала войны до Декларации независимости

Королевская прокламация об объявлении колоний в состоянии мятежа от 23 августа 1775 года и активные меры монарха по найму немецких солдат резко снизили его популярность в колониальном обществе. Последний шаг, хотя и соответствовал политике страны в XVIII веке, был воспринят американцами как окончательный акт агрессии против них и как неопровержимый признак того, что Георг III больше не считает их своими под-

данными. Дискуссии колонистов о немецких наемниках отражала и более общий сдвиг в сознании американцев: если раньше они были склонны винить в несправедливой политике министров и парламент, с 1775 года они начали видеть причину своих проблем уже в короле. И то, что эта мера требовала одобрения парламента, не имело значения: наем иностранцев как ответ на действия колонистов показывал монарха как тирана, решившего выиграть конфликт любой ценой [Baer, 2015, p. 115, 137].

Однако Георгу III, свято верившему в свою миссию защиты конституции, казалась крамольной сама возможность противодействия его мерам: «Если в следующую сессию оппозиция будет сильной, это очень удивит меня, так как я веду битву за законодательство, и поэтому имею право ожидать отовсюду всеобщей поддержки. Но если возникнут трудности, они не испугают меня, так как я знаю справедливость моих намерений, и поэтому готов противостоять любой атаке, какой бы опасной она ни была, с твердостью, основанной на честности и преданности конституции» [Correspondence with Lord North, 1867a, p. 267—268]. В тронной речи на открытии парламента 26 октября 1775 года король выразил намерение быстро покончить с мятежом в Америке в самой решительной форме [The Parliamentary History, 1803, p. 695—696].

Вполне закономерно, что в течение 1774—1776 годов ранее позитивный образ Георга III как спасителя конституции заметно потускнел в глазах колонистов, которые забыли и идеал короля-патриота. Георг III быстро стал объектом личных нападок в Америке после того, как стало очевидно проведение им политики принуждения [O'Shaughnessy, 2004, p. 16]. Опубликованный в январе 1776 года памфлет «Здравый смысл» Томаса Пейна бросил вызов институту монархии, который был высмеян им на основе исторических прецедентов. Хотя Пейн не упомянул имени Георга III, он все же отметил меткими колкостями в адрес конкретно британского монарха [O'Shaughnessy, 2013, p. 27]. Этот памфлет рассеял многие страхи американцев, напрямую открыв путь к Декларации независимости с ее обвинениями против Георга III.

Да и сама форма провозглашения американцами независимости являлась следствием не только конфликта с метрополией, но и трений с ее монархом, что отразилось на способе оформления суверенитета. Континентальному конгрессу было неуместно использовать прокламацию, петицию, мемориал или протест для обоснования этого решения, так как эти формы по определению поставили бы Америку в подчиненное положение. Поэтому они обратились к другому традиционному английскому способу публичного выступления — декларации, которая неоднократно использовалась при смене правителей как публичная апология, санкция на сме-

шение старого короля. Хотя американцы не свергли Георга III буквально, в Декларации независимости они стремились оправдать свое отделение от империи, обвинив его как тирана и возложив на него всю вину за конфликт. В этом Декларация подражала традициям англичан возлагать всю вину за неправильное управление на короля [Lucas, 1998, p. 148, 152—153].

Поэтому в Декларации говорилось не о парламенте, а о короле, который вместо того, чтобы быть милостивым монархом, стал тираном. Для этой перемены была еще одна причина. К 1776 году патриоты добились, что Америка стала де-факто независимой, и это потребовало соответствующего оформления. Но от кого им было провозглашать независимость? Парламент уже не имел над ними власти, зато единственной составляющей метрополии, которой колонисты присягнули на верность, был король. Поэтому Георг III не смог избежать участи стать главным антигероем Декларации независимости [Fisher, 1907, p. 261] и главной политической жертвой Американской революции. Если сперва американцы считали, что защищаются от агрессии парламента, позже, когда стала очевидной лояльность Георга III курсу его министров по защите верховенства британского парламента, борьбу представили как следствие попытки монарха возродить персональное правление и диктовать свою волю палате общин. Это оказалось созвучным и вигской концепции в британской историографии [Derry, 1976, p. 5]. Но, в отличие от Карла I в 1640 году и Якова II в 1688 году, роль британского монарха в начале Американской революции выделить сложно, и, строго говоря, Георг III едва ли был виновен по большинству обвинений из Декларации независимости. Да и колонисты в первые месяцы войны рассматривали конфликт с метрополией как разногласия с парламентом и обезличенной исполнительной властью, лишь после принятия Декларации независимости приписав королю все грехи [Carlton, 1980, p. 199—200].

Неудивительно, что, когда 9 июля 1776 года известие о ее принятии дошло до Нью-Йорка, в атмосфере отделения колоний от метрополии и под воздействием памфлета Пейна взгляды горожан Нью-Йорка обратились к свинцовой статуе ненавидимого монарха, которая была низвергнута, а из нее было отлито 42 088 пуль [Marks, 1981, p. 65—66]. Этот шаг означал не только выплеск энергии патриотов, но и акт публичного поношения тела государя. Осквернения символов суверена происходили и в других местах, где изображения монарха и королевский герб также были торжественно сожжены [Waldstreicher, 1985, p. 47].

Впрочем, отрицательное отношение к своему монарху можно было видеть и в метрополии. Хотя эта неприязнь не затронула широкие слои населения, ряд непримиримых противников короны использовали порою более жесткую чем американцы риторику. В этом отношении показательно

периодическое издание «Кризис», почти в каждом выпуске очень пренебрежительно отзывавшееся о деспотичных британских монархах вообще и Георге III в частности. Осуждая короля, его авторы не стеснялись в выражениях, сравнивая его с Нероном и Карлом I, утверждая, что его правление отмечено тиранией и дьявольскими замыслами, возмездием за что будет смерть. В этом риторика «Кризиса» была острее аналогичных произведений за океаном. Однако «Кризис» быстро исчез со сцены даже без вмешательства властей, и это означало, что недовольство в метрополии не способно привести к революции [York, 2009, p. 448, 460].

3.4. Георг III и затягивание войны

Впрочем, оппозиционные партийные группы вигов, не сомневаясь в том, кто являлся движущей силой войны, активизировали свои выступления против короля лично. Вершиной такого давления на монарха стал инициированный группой вигов Рокингема проект «экономической реформы», реальной целью которой было уменьшение влияния королевских министров в нижней палате. Когда парламентская оппозиция с декабря 1779 года получила в союзники Йоркширскую ассоциацию Кристофера Уайвилла, лидера общенационального движения за реформу парламента, давление на институт монархии можно было считать общенациональным трендом. Как и за океаном, теперь стало труднее поддерживать фикцию о том, что «король не может сделать ничего плохого», а война была вызвана плохими советами министров: ведь именно король активно ее вел. Оппозиция также опасалась, что его победа в Америке может привести к созданию более сильной монархии в метрополии [O'Shaughnessy, 2013, p. 37].

Помимо вигов в парламенте торговые слои Великобритании также были в наибольшей степени обеспокоены мерами правительства и поддерживали оппозицию. Однако влиятельная прослойка сельских джентльменов, важного индикатора общественных настроений, не вдохновлялись риторикой оппозиции [Autobiography, 1898, p. 277—278]. По-прежнему многие англичане не доверяли вигам, а о событиях в Америке большинство подданных суждало так же, как и их суверен. Ведущие мыслители того времени, такие как Джон Уэсли и Самюэль Джонсон, выражали королю свою поддержку [Crosby, 1941, p. 298—299].

В свою очередь именно Георг III более последовательно, чем его министры и подданные, придерживался выбранной позиции. Он считал своим прямым долгом довести войну с американцами до победного конца и близко к сердцу принимал известия с поля боя. Показателен эпизод, когда после частного успеха генерала Бургойна при Филадельфии летом 1777 года Георг III, вбежав в покои королевы, восторженно воскликнул: «Я побил их! Побил всех американцев!» [Melville, 1907, p. 148]. При этом монарх демон-

стрировал граничащий с упрямством оптимизм относительно перспектив войны. Даже после получения известия о капитуляции Бургойна при Саратого Георг III воспринял это поражение как серьезное, но оставляющее возможность исправления ситуации [Correspondence with Lord North, 1867b, p. 92].

Поэтому, хотя современники явно преувеличили роль Георга III в начале конфликта между метрополией и колониями, он, безусловно, оказал решающее влияние на затягивание этой войны, которая из-за его личных убеждений о необходимости принудить североамериканские колонии остаться в составе империи стала его персональным крестовым походом [O'Shaughnessy, 2004, p. 20—21]. Ни один политик в Великобритании не был убежден больше, чем его суверен, в необходимости предотвращения распада I Британской империи. Георг III считал, что потеря американских колоний стала бы для метрополии большим политическим и экономическим бедствием [Bullion, 1994, p. 305]. По мнению короля, потеря имперской торговли и последующий за этим упадок промышленности низвели бы Великобританию до статуса нищего острова. Он надеялся, что не доживет до дня, когда его страна настолько утратит чувство собственного достоинства, что согласится на независимость Америки. Поэтому за четыре месяца до капитуляции англичан в Йорктауне (19 октября 1781 года) Георг III по-прежнему был верен своим убеждениям, считая, что от победы в войне зависит статус Великобритании как великой державы. Отсюда Георг III лично участвовал в разработке военной стратегии, читая книги о войне и посещая полки армии в окрестностях Лондона [O'Shaughnessy, 2013, p. 29].

Что важно, при проведении этой политики Георг III не брал на себя роль деспота, которым его считали в среде вигской оппозиции. Он отождествлял себя с властью парламента над колониями и совершенно искренне заявлял, что с Америкой он «ведет борьбу за законность» [Guttridge, 1934, p. 4—5]. И в этом убеждении монарх был последовательнее своего первого министра Норта, который, хотя и не стремился ослабить власть парламента в колониях, был слишком практичным, чтобы предпочесть карательную войну возможности мирного соглашения. В отличие от своего суверена Норт хотел добиться компромиссов с американцами, если они не приведут к конституционным изменениям. Так, он не исключал возможности приостановки налогообложения колонистов, если те согласятся внести свой вклад в имперскую оборону [Gruber, 1965, p. 226]. А по мере того как неспособность кабинета Норта решить конфликт силой становилась очевидной, именно Георг III взял на себя роль главного ястреба, способствуя продлению войны. При этом, сохраняя Норта на посту, король отказывался от диалога со сторонниками предоставления независимости колониям из оппозиции [O'Shaughnessy, 2004, p. 40].

4. Заключение = Conclusions

Однако в защиту упрямой позиции Георга III в конфликте с американцами можно привести факт трансформации его мышления после поражения при Саратоге в 1777 году, за которым последовало вступление в войну на стороне колонистов Франции. Британский монарх стал осознавать, что, «возможно, придет время, когда будет разумно оставить всю Северную Америку, кроме Канады, Новой Шотландии и Флориды, бесспорно британские территории и плацдарм для давления на колонистов». Но чтобы «получить возможность с удвоенной энергией отомстить за вероломное и дерзкое поведение Франции», необходимо было как можно скорее прекратить войну с Америкой. Георг III все еще хотел «обеспечить зависимость Америки», но имея в виду стратегическую и военную, но не политическую ее составляющие [Bullion, 1999, p. 78]. Однако когда французы бок о бок воевали с американцами, разделить колонистов и бойцов традиционного соперника было не так просто, из-за чего война в Америке превращалась в некое подобие «отечественной».

Поэтому даже после поражения британской армии при Йорктауне Георг III не ослабил решимости выиграть войну любой ценой, расценив случившееся как временную неудачу. Он по-прежнему был уверен в поддержке парламента и не желал принять неизбежность военного поражения, надеясь спасти империю. Монарх заявил, что не заслужил бы доверия и верности свободного народа, если бы согласился принести в жертву те права и интересы, от сохранения которых зависят будущая сила и безопасность Великобритании [O'Shaughnessy, 2013, p. 41]. Георг III не хотел соглашаться на конституционный компромисс, считая, что «Америка должна быть колонией Англии или к ней нужно относиться как к врагу». Король полагал, что все еще сражается за парламент, и поэтому он был искренне раздосадован, когда после семи лет войны в 1782 году парламент согласился с независимостью бывших колоний [Thomas, 1985, p. 31].

Но тяжелую реальность Георгу III все же пришлось признать. В 1783 году новые взгляды короля нашли отражение в небольшой памятной записке о британских альтернативах после потери американских колоний. В ней монарх выражал надежду, что можно получить больше выгод от сотрудничества с американцами как друзьями, а не колониями. Сохранявший контроль над Вест- и Ост-Индиями, а также ньюфаундлендскими рыбными промыслами, по его мнению, являлся важной коммерческой поддержкой империи [Bullion, 1994, p. 305—308]. Таким образом, к 1783 году Георг III все же принял потерю бывших колоний, после того как все способы их возвращения провалились.

Подводя итоги, необходимо признать, что в Американской революции Георг III стал контрреволюционером поневоле, исходя из своих убежде-

ний до конца защищая идеи парламентского суверенитета над колониями. Имея в начале своего правления доверие американского общества, видевшего в нем главный имперский символ власти, по мере разрастания кризиса все большая вовлеченность Георга III в принятие антиамериканских мер подрывала его положительный образ за океаном. Это закончилось полным разрывом колоний с метрополией, который был оформлен через персонафицированные обвинения монарха в Декларации независимости. В ответ Георг III стал последовательным сторонником подавления американского мятежа и изменил свою позицию лишь после очевидного военного поражения и трансформации парламентской политики в американском вопросе, что свидетельствует о его приверженности конституции, а не тирании, в которой его так громко обвинили американцы в своей Декларации, оформившей ложный политический миф как американской, так и британской истории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Боллингброк*, Генри С. Джон. Письма об изучении и пользе истории / пер. [с англ.] С. М. Берковской [и др.] ; примеч. Ф. Н. Арского, Т. А. Павловой ; статья и общ. ред. М. А. Барга. — Москва : Наука, 1978. — 359 с.
2. *Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton*, K. G. / Ed. by William R. Anson. — London : John Murray, 1898. — 417 p.
3. *Correspondence with Lord North from 1768 to 1783* / Ed. by W. Bodham Donne. — In Two Volumes. — London : John Murray, 1867. — Vol. I. — 307 p.
4. *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled "The Parliamentary Debates"*. — London : T. C. Hansard, 1813. — Vol. XVIII. AD 1774—1777. — 1456 cols.

Литература

1. *История США. 1607—1877* / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. — Москва : Наука, 1983. — Т. 1. — 687 с.
2. *Плешков В. Н.* Внешняя политика США в конце XVIII века : Очерки англо-американских отношений / В. Н. Плешков ; Под ред. А. А. Фурсенко. — Ленинград : Наука, 1984. — 301 с.
3. *Согрин В. В.* Политическая история США : XVII—XX вв. / В. В. Согрин. — Москва : Весь мир, 2001. — 389 с. — ISBN 5-7777-0117-5.
4. *Фурсенко А. А.* Американская буржуазная революция XVIII века / А. А. Фурсенко. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 152 с.
5. *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США / А. А. Фурсенко ; Под ред. В. И. Рутенбурга. — Ленинград : Наука, 1978. — 416 с.
6. *Юзефович И. С.* Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки / И. С. Юзефович. — Москва : Учпедгиз, 1941. — 140 с.

7. Яковлев Н. Н. Вашингтон / Н. Н. Яковлев. — Москва : Молодая гвардия, 1973. — 398 с.
8. *Armitage D.* A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King / D. Armitage // *Journal of British Studies*. — 1997. — Vol. 36. — № 4. — Pp. 397—418. — DOI: 10.1086/386143.
9. *Baer F.* The Decision to Hire German Troops in the War of American Independence : Reactions in Britain and North America, 1774—1776 / F. Baer // *Early American Studies*. — 2015. — Vol. 13. — № 1. — Pp. 111—150. — DOI: 10.1353/eam.2015.0003.
10. *Bullion J. L.* George III on Empire, 1783 / J. L. Bullion // *The William and Mary Quarterly. Third Series*. — 1994. — Vol. 51. — № 2. — Pp. 305—310. — DOI: 10.2307/2946866.
11. *Bullion J. L.* The “Ancien Regime” and the Modernizing State : George III and the American Revolution / J. L. Bullion // *Anglican and Episcopal History*. — 1999. — Vol. 68. — № 1. — Pp. 67—84.
12. *Carlton C.* Three British Revolutions and the Personality of Kingship / C. Carlton // *Three British Revolutions : 1641, 1688, 1776* / Ed. by J. G. A. Pocock. — Princeton : Princeton University Press, 1980. — Pp. 165—207. — ISBN 978-1-4008-5647-3.
13. *Carver L.* The Restoration Poets and Their Father King / L. Carver // *Huntington Library Quarterly*. — 1977. — Vol. 40. — № 4. — Pp. 332—351. — DOI: 10.2307/3817356.
14. *Christie I. R.* Wars and Revolutions: Britain, 1760—1815 / I. R. Christie. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1982. — 359 p. — ISBN 0-674-94760-6.
15. *Creviston V. P.* “No King unless it be a Constitutional King”: Rethinking the Place of the Quebec Act in the Coming of the American Revolution / V. P. Creviston // *The Historian*. — 2011. — Vol. 73. — № 3. — Pp. 463—79. — DOI: 10.1111/j.1540-6563.2011.00297.x.
16. *Crosby G. R.* George III : Historians and a Royal Reputation / G. R. Crosby // *Essays in Modern English History*. In Honour of William Gortez Abbott. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1941. — Pp. 295—313.
17. *Derry J.* English Politics and the American Revolution / J. Derry. — London : J. M. Dent & Sons, 1976. — 215 p. — ISBN 0-460-11089-6.
18. *Detweiler R.* Retreat from Environmentalism : A Review of the Psychohistory of George III / R. Detweiler // *The History Teacher*. — 1972. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 37—46. — DOI: 10.2307/492622.
19. *Duff S. F.* The Case Against the King : The Virginia Gazettes Indict George III / S. F. Duff // *The William and Mary Quarterly*. — 1949. — Vol. 6. — № 3. — Pp. 383—397. — DOI: 10.2307/1919983.
20. *Fisher S. G.* The Twenty-Eight Charges against the King in the Declaration of Independence / S. G. Fisher // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. — 1907. — Vol. 31. — № 3. — Pp. 257—303.
21. *Gruber I. D.* Lord Howe and Lord George Germain, British Politics and the Winning of American Independence / I. D. Gruber // *The William and Mary Quarterly. Third Series*. — 1965. — Vol. 22. — № 2. — Pp. 225—243. — DOI: 10.2307/1920697.
22. *Gunn J. A. W.* Influence, Parties and the Constitution : Changing Attitudes, 1783—1832 / J. A. W. Gunn // *The Historical Journal*. — 1974. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 301—328. — DOI: 10.1017/S0018246X00007767.
23. *Guttridge G. H.* The Whig Opposition in England during the American Revolution / G. H. Guttridge // *The Journal of Modern History*. — 1934. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 1—13. — DOI: 10.1086/236093.
24. *Kronenberger L.* Kings and Desperate Men : Life in Eighteenth Century England / L. Kronenberger. — New York : Vintage Books, 1961. — 298 p.

25. *Liddle W. D.* A Patriot King, or None : American Public Attitudes towards George III and the British Monarchy, 1754—1776. A Dissertation submitted to the Faculty of Claremont Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Faculty of History / W. D. Liddle. — Claremont : Organization of American Historians, 1970. — 506 p.

26. *Liddle W. D.* “A Patriot King, or None” : Lord Bolingbroke and the American Renunciation of George III / W. D. Liddle // *The Journal of American History*. — 1979. — Vol. 65. — № 4. — Pp. 951—970. — DOI: 10.2307/1894555.

27. *Lucas S. E.* The Rhetorical Ancestry of the Declaration of Independence / S. E. Lucas // *Rhetoric and Public Affairs*. — 1998. — Vol. 1. — № 2. — Pp. 143—184. — DOI: 10.1353/rap.2010.0009.

28. *Marks A. S.* The Statue of King George III in New York and the Iconology of Regicide / A. S. Marks // *American Art Journal*. — 1981. — Vol. 13. — № 3. — Pp. 61—82. — DOI: 10.2307/1594285.

29. *Melville L.* Farmer George. In Two Volumes / L. Melville. — London : Isaac Pitman and Sons, 1907. — Vol. II. — 317 p.

30. *O’Shaughnessy A. J.* “If Others Will Not Be Active, I Must Drive” : George III and the American Revolution / A. J. O’Shaughnessy // *Early American Studies*. — 2004. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 1—46. — DOI: 10.1353/eam.2007.0037.

31. *O’Shaughnessy A. J.* The Men Who Lost America : British Leadership, the American Revolution, and the Fate of the Empire / A. J. O’Shaughnessy. — New Haven — London : Yale University Press, 2013. — 497 p. — ISBN 978-1-78074-247-2.

32. *Thomas P. D. G.* George III and the American Revolution / P. D. J. Thomas // *History*. — 1985. — Vol. 70. — № 228. — Pp. 16—31.

33. *Waldstreicher D.* Rites of Rebellion, Rites of Assent : Celebrations, Print Culture, and the Origins of American Nationalism / D. Waldstreicher // *The Journal of American History*. — 1995. — Vol. 82. — № 1. — Pp. 37—61. — DOI: 10.2307/2081914.

34. *Winstanley D. A.* Lord Chatham and the Whig Opposition / D. A. Winstanley. — Cambridge: Cambridge University Press, 1912. — 460 p.

35. *York N.* George III, Tyrant : “The Crisis” as Critic of Empire, 1775—1776 / N. York // *History*. — 2009. — Vol. 94. — № 4 (316). — Pp. 434—460.

Статья поступила в редакцию 02.06.2024,
одобрена после рецензирования 15.07.2024,
подготовлена к публикации 21.11.2024.

Material resources

Anson, W. R. (ed.). (1898). *Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton*, K. G. London: John Murray. 417 p.

Bodham Donne, W. (ed.). (1867). *Correspondence with Lord North from 1768 to 1783. In Two Volumes*, I. London: John Murray. 307 p.

Bolingbroke, Henry S. John. *Letters about the study and benefits of history*. (1978). Moscow: Nauka. 359 p. (In Russ.).

The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled “The Parliamentary Debates”, XVIII. AD 1774—1777. (1813) London: T. C. Hansard. 1456 cols.

References

- Armitage, D. (1997). A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King. *Journal of British Studies*, 36 (4): 397—418. DOI: 10.1086/386143.
- Baer, F. (2015). The Decision to Hire German Troops in the War of American Independence: Reactions in Britain and North America, 1774—1776. *Early American Studies*, 13 (1): 111—150. DOI: 10.1353/eam.2015.0003.
- Bolkhovitinov, N. N. (ed.). *The history of the USA. 1607—1877, I*. Moscow: Nauka. 687 p. (In Russ.).
- Bullion, J. L. (1994). George III on Empire, 1783. The William and Mary Quarterly. *Third Series*, 51 (2): 305—310. DOI: 10.2307/2946866.
- Bullion, J. L. (1999). The “Ancien Regime” and the Modernizing State: George III and the American Revolution. *Anglican and Episcopal History*, 68 (1): 67—84.
- Carlton, C. (1980). Three British Revolutions and the Personality of Kingship. In: *Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776*. Princeton: Princeton University Press. 165—207. ISBN 978-1-4008-5647-3.
- Carver, L. (1977). The Restoration Poets and Their Father King. *Huntington Library Quarterly*, 40 (4): 332—351. DOI: 10.2307/3817356.
- Christie, I. R. (1982). *Wars and Revolutions: Britain, 1760—1815*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 359 p. ISBN 0-674-94760-6.
- Creviston, V. P. (2011). “No King unless it be a Constitutional King”: Rethinking the Place of the Quebec Act in the Coming of the American Revolution. *The Historian*, 73 (3): 463—79. DOI: 10.1111/j.1540-6563.2011.00297.x.
- Crosby, G. R. (1941). George III: Historians and a Royal Reputation. In: *Essays in Modern English History. In Honour of William Gortez Abbott*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 295—313.
- Derry, J. (1976). *English Politics and the American Revolution*. London: J. M. Dent & Sons. 215 p. ISBN 0-460-11089-6.
- Detweiler, R. (1972). Retreat from Environmentalism: A Review of the Psychohistory of George III. *The History Teacher*, 6 (1): 37—46. DOI: 10.2307/492622.
- Duff, S. F. (1949). The Case Against the King: The Virginia Gazettes Indict George III. *The William and Mary Quarterly*, 6 (3): 383—397. DOI: 10.2307/1919983.
- Fisher, S. G. (1907). The Twenty-Eight Charges against the King in the Declaration of Independence. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 31 (3): 257—303.
- Fursenko, A. A. (1960). *The American bourgeois revolution of the XVIII century*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 152 p. (In Russ.).
- Fursenko, A. A. (1978). *The American Revolution and the education of the USA*. Leningrad: Nauka. 416 p. (In Russ.).
- Gruber, I. D. (1965). Lord Howe and Lord George Germain, British Politics and the Winning of American Independence. *The William and Mary Quarterly. Third Series*, 22 (2): 225—243. DOI: 10.2307/1920697.
- Gunn, J. A. W. (1974). Influence, Parties and the Constitution: Changing Attitudes, 1783—1832. *The Historical Journal*, 17 (2): 301—328. DOI: 10.1017/S0018246X00007767.
- Guttridge, G. H. (1934). The Whig Opposition in England during the American Revolution. *The Journal of Modern History*, 6 (1): 1—13. DOI: 10.1086/236093.
- Kronenberger, L. (1961). *Kings and Desperate Men: Life in Eighteenth Century England*. New York: Vintage Books. 298 p.

- Liddle, W. D. (1970). *A Patriot King, or None: American Public Attitudes towards George III and the British Monarchy, 1754—1776. A Dissertation submitted to the Faculty of Claremont Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Faculty of History*. Claremont: Organization of American Historians. 506 p.
- Liddle, W. D. (1979). “A Patriot King, or None”: Lord Bolingbroke and the American Renunciation of George III. *The Journal of American History*, 65 (4): 951—970. DOI: 10.2307/1894555.
- Lucas, S. E. (1998). The Rhetorical Ancestry of the Declaration of Independence. *Rhetoric and Public Affairs*, 1 (2): 143—184. DOI: 10.1353/rap.2010.0009.
- Marks, A. S. (1981). The Statue of King George III in New York and the Iconology of Regicide. *American Art Journal*, 13 (3): 61—82. DOI: 10.2307/1594285.
- Melville, L. (1907). *Farmer George. In Two Volumes*, 2. London: Isaac Pitman and Sons. 317 p.
- O’Shaughnessy, A. J. (2004). “If Others Will Not Be Active, I Must Drive”: George III and the American Revolution. *Early American Studies*, 2 (1): 1—46. DOI: 10.1353/eam.2007.0037.
- O’Shaughnessy, A. J. (2013). *The Men Who Lost America: British Leadership, the American Revolution, and the Fate of the Empire*. New Haven — London: Yale University Press. 497 p. ISBN 978-1-78074-247-2.
- Pleshkov, V. N. (1984). *U.S. foreign policy at the end of the XVIII century: Essays on Anglo-American relations*. Leningrad: Nauka. 301 p. (In Russ.).
- Sogrin, V. V. (2001). *Political history of the USA: XVII—XX centuries*. Moscow: The Whole World. 389 p. ISBN 5-7777-0117-5. (In Russ.).
- Thomas, P. D. G. (1985). George III and the American Revolution. *History*, 70 (228): 16—31.
- Waldstreicher, D. (1995). Rites of Rebellion, Rites of Assent: Celebrations, Print Culture, and the Origins of American Nationalism. *The Journal of American History*, 82 (1): 37—61. DOI: 10.2307/2081914.
- Winstanley, D. A. (1912). *Lord Chatham and the Whig Opposition*. Cambridge: Cambridge University Press. 460 p.
- Yakovlev, N. N. (1973). *Washington*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 398 p. (In Russ.).
- York, N. (2009). George III, Tyrant: “The Crisis” as Critic of Empire, 1775—1776. *History*, 94 / 4 (316): 434—460.
- Yuzefovich, I. S. (1941). *George Washington and the struggle for American independence*. Moscow: Uchpedgiz. 140 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.06.2024;
approved after reviewing 15.07.2024;
accepted for publication 21.11.2024.*